

„Комсомольская правда“ 4 марта 1971/2

Теперь и
Локтев



Песня о Павке

Есть книги и есть книги. Эта — страстно рассказавшая нам о легендарном времени и трудной судьбе — сама стала легендой. Ее читали даже тогда, когда сама мысль о том, чтобы взять в руки книгу, казалась нелепой. Ее читали в госпиталях, в окопах, среди льдов и в душных джунглях, ее читали, когда было нестерпимо трудно, ибо она говорит о мужестве и твердости идейного бойца. Писатель, участник Сталинградской битвы, вспоминал: «Когда разговорились, бойцы пожаловались, что книга эта одна на весь полк. Для удобства чтения ее разорвали на несколько частей и читали в редкие часы боевого отдыха, передавая друг другу листы по мере прочтения...»

Эта книга — «Как закалялась сталь». В 1966 году Николай Островский был удостоен премии Ленинского комсомола. Бесконечно далеко ушли мы от яростных кавалерийских атак под Новгород-Вольнским, схваток «комсы» с бандитами и фракционерями, но произведение писателя-большевика связано с нынешней жизнью тысячью нитей. Беспристрастное время, ход которого столь чутко ощущал Н. Островский, отсчитывает дни, месяцы, годы. И среди книг о революции, выдержавших испытание временем, первое место занимает его роман о закалке в огне классовых битв

В канун XXIV съезда партии увидел свет новый спектакль Бориса Равенских «Драматическая песня». Это сценический парафраз знаменитой книги. 350 страниц ее не умещаются в два акта инсценировки. В ней нет последовательного цитирования, повторения сюжетных ходов. Б. Равенских, М. Анчаров с безошибочным чутьем перенесли на сцену театра имени А. С. Пушкина все самое существенное, то главное, что определяло крутые повороты жизни Павки Корчагина.

В начале спектакля и в его финале мы видим на авансцене двоих в зеленых гимнастерках. Павел Корчагин (А. Локтев) и Николай Островский (В. Сафронов) взыскующе смотрят в зал. Нерасторжимое единение, счастье трудной, но цельной жизни за этим двуединством автора и героя. Писатель уходит, оставив нам контрастное, динамическое зрелище, напоминающее короткие вспышки яркого и жаркого пламени. А между ними — холод трудностей, ледяная стужа опасностей. В постоянном столкновении этих двух стихий мужает характер Павла.

В романе десятки персонажей. Авторы инсценировки мастерски насытили образы немногих, оставленных ими в спектакле, многозначностью и типичностью. В каждом из них ощущаешь опреде-

ленный итог накопления, концентрации других образов романа. За добросовестностью, профессиональным спокойствием телеграфиста видится старый мастер из депо, не позволивший губить дорогой заграничный инструмент. Вспоминаются и З. Брузжак, С. Полентовский — чернорабочие революции, вступившие в партию большевиков после смерти ее вождя.

Такой же ряд и за каждым из противников Корчагина. Особенно удалась эта концентрация А. Стрельникову. Он играет в спектакле офицанта Прохошку, того самого, что надругался над Фросей, избил Павла, заснувшего от усталости у кипятильного куба. Прохошка уходит из жизни Павки где-то на тридцатой странице романа. В спектакле он живет дольше, принимая все новые облики. Он переходит (и это предопределено всей логикой развития характера лакея из станционного буфета) в «вильное казачество» и, как и полагается «щирому» петлюровцу, творит расправу над каждым, кто попадает в его поле зрения. Зарвавшийся садист, тюремщик упивается своей властью над беззащитными — такова новая ипостась Прохошки. Столь же укрупненным выглядит и образ коменданта. В этом карикатурном персонаже в запорожской папахе с синюю «китницей» читаются зрителем



разные Голубы, Архангелы, Гордии и другие атаманствующие бандиты, мучившие Украину. Это была темная, злобная сила, которую нужно было уничтожить. Которой по логике и жизни, и драматургии должен противостоять образ, во много раз более мощный и убедительный.

А. Локтев создал такой образ. Его Павка вызывает в памяти слова А. Фадеева: «Мне кажется, — писал он о Корчагине, — что во всей советской литературе нет пока что другого такого же пленительного по чистоте и в то же время такого жизненного образа». Развитию этого образа подчинено в спектакле все,

ему отданы лучшие находки режиссера. И А. Локтев достоин своей роли. Он показывает всю сложность духовной эволюции своего героя, он ведет зрителя вслед за собою по всем спиральям возмужания. От неразговорчивого мальчишки-кубовщика, юноши, словно прислушивающегося к тайной работе своей души, до человека, счастливо-го тем, что он преодолел смертельную болезнь и вновь влился в ряды сознательных борцов, знающих, как перестроить весь мир.

Прекрасна трагическая сцена последнего танца Павла. Он ведет пляску широко, задорно, он отдается музыке, как предвкушению счастья. И в этот момент дает себя знать старая рана. Над Павлом нависает призрак гибели. Но и здесь он не отступает. Этот контраст, этот слом настроения, бурный переход из одного состояния в другое дает точное представление о романтической и подчас гротесковой режиссерской манере Равенских. В этом спектакле достойным товарищем ему выступил художник В. Шапорин. Он разворачивает действие на площадке, изрытой подобием траншей, глубоких балок; художник подчеркивает ключевые моменты действия мощными пятнами цвета и света. Русские штйки, равномерно расставленные им по пандусу, уходящему вдаль, — как обелиски славы тем, кто беззаветно боролся за народное счастье, ушел от нас и возвращен нам нынче чудесною силой искусства.

О. ИВАНОВ.

На снимке: А. Локтев в роли Павла Корчагина.